

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если спросить многих жителей Европы и США — а возможно, и многих русских, — что они думают о Никите Сергеевиче Хрущеве, скорее всего им вспомнится грубый и невежественный шут, стучащий ботинком по столу на заседании ООН¹. Однако этот невысокий коренастый человек с пронзительным взглядом маленьких, глубоко посаженных глаз и неистощимой энергией в каждом движении хоть и стал героем многих советских анекдотов, не был анекдотической фигурой: это был сложный человек, в жизни которого сочетались триумф и трагедия — как для его родины, так и для него самого.

Будучи сам замешан в преступлениях сталинской эпохи, Хрущев предпринял героическую попытку очистить страну от сталинщины. Его смелые, хотя и сумбурные преобразования придали бесчеловечной системе человеческое (поначалу — его собственное) лицо. Сами ошибки Хрущева, вскрывшие глубинные противоречия советской системы, возможно, стали для страны более благотворны, чем были бы его удачи.

Я видел Хрущева в первый и единственный раз — да и то мельком — в сентябре 1959 года, во время его бурного визита в Соединенные Штаты. Тогда мимо меня промелькнул и скрылся за углом его лимузин. В 1964 году, посетив СССР в рамках программы изучения русского языка, я спускался в донецкую шахту, где работал в юности Хрущев. К тому времени как я закончил по обмену годовой курс в Московском университете, Хрущев уже лишился власти и находился в опале. Мои соученики были благодарны Хрущеву за разоблачение сталинских преступлений, однако стыдились его невежества и дурного воспитания. В целом они питали к Хрущеву сложные чувства, в которых неодобрение смягча-

лось искренней и теплой симпатией. Признаюсь, те же чувства испытывал я сам, когда писал эту книгу².

В начале восьмидесятых, закончив книгу «Американская политика Сталина»³, я начал изучать взаимоотношения между США и СССР во времена Хрущева — однако вскоре обнаружил, что личность этого советского лидера куда интереснее его внешней политики, и от работы над монографией перешел к работе над биографией. Если бы я выпустил работу, как обещал, в 1989 году, это была бы совсем другая книга.

Хрущев был на редкость многоречив. Одни только его речи по вопросам сельского хозяйства занимают восемь томов⁴; к тому же почти каждую неделю он давал пространные интервью. После своей отставки в 1964 году он первым среди советских лидеров написал и выпустил в свет свои мемуары. Однако публичные высказывания Хрущева перед публикацией подвергались суровой редакции и правке, а в тексте мемуаров, опубликованном на английском языке в 1970 и 1974 годах, отсутствуют некоторые откровенные пассажи, которые его дети не решились передать на Запад⁵. В середине восьмидесятых советские архивы были еще совершенно недоступны для иностранных ученых, а западные материалы, относящиеся к деятельности Хрущева, ждали своих исследователей, но прежде всего тех, кто мог их рассекретить. Еще в 1988 году, проведя в Москве пять месяцев по программе академического обмена, я не решился признаться, что интересуюсь личностью Хрущева (вместо этого я использовал обтекаемый оборот «начало процесса разрядки в советско-американских отношениях»), опасаясь реакции советских властей, хотя теперь понимаю, что такие предосторожности были излишни. Мне удалось взять интервью лишь у горстки людей, связанных с Хрущевым, и только в самом конце своей командировки, да и то по телефону, я познакомился с сыном Хрущева Сергеем.

К 1991 году ситуация радикально изменилась. Началась эра воспоминаний о Хрущеве (в числе прочих о нем писали сын Сергей и зять Алексей Аджубей, бывший редактор газеты «Известия»); в Соединенных Штатах был опубликован третий том мемуаров Хрущева, содержащий в себе материалы, не попавшие в печать в семидесятых годах; наконец в российском журнале «Вопросы истории» начал печататься русский текст мемуаров, подготовленный Сергеем Хрущевым⁶. Получив от американского издательства заказ на перевод и научное редактирование книг Сергея Хрущева и Алексея Аджубея, я воспользовался случаем, чтобы забросать их вопросами, ответы на которые затем обогатили мою книгу⁷.

С падением СССР открылись (по крайней мере, на некоторое время) прежде недоступные советские архивы. Президентский архив (бывший архив Политбюро), где хранились материалы, наиболее опасные для советских руководителей, а также архивы КГБ оставались закрыты для всех, кроме немногих избранных; однако другие партийные архивы, не только в Москве, но и в других городах страны, раскрыли свои двери для исследователей. По счастью, во многих из них обнаружили копии документов, которые, по убеждению властей, хранились лишь в архиве Политбюро.

На протяжении следующих десяти лет я работал в архивах Москвы, Киева и Донецка, а также беседовал с родными Хрущева, его кремлевскими коллегами, подчиненными, работавшими на него или против него, и с людьми, знавшими его задолго до того, как он занял место Сталина. С помощью Сергея Хрущева я посетил Калиновку, родную деревню Никиты Сергеевича, побывал в его любимых охотничьих заказниках на Западной Украине. Советская эпоха только что окончилась, и некоторые бывшие чиновники, с которыми я стремился побеседовать, не проявляли особого желания разговаривать с американцем, а многие архивисты сомневались, имеют ли право допускать меня к работе с документами. Могу сказать, что попытки расположить к себе и разговорить людей, а также извлечь на свет божий давным-давно упрятанные под спуд документы, потребовали от меня овладения приемами истинного детектива.

Далее передо мной встала новая задача — организовать и истолковать собранный материал. Вплоть до падения СССР, особенно во времена Горбачева, общественное внимание привлекали прежде всего хрущевские реформы: причины, ход и объяснения их неудач. Однако с 1991 года вопрос о карьере Хрущева получил более глубокое значение. Жизнь его, в сущности, представляла собой зеркало советской эпохи. Революция, Гражданская война, коллективизация и индустриализация, террор, мировая война, холодная война, поздний сталинизм, послесталинские годы — ничто не обошло Хрущева стороной. Что привлекло такую массу людей к коммунизму? Что заставляло хранить ему верность, несмотря на все жестокости и зверства, чинимые партией большевиков? Почему некоторые все же решились порвать с прошлым и вступить на путь реформ? Наконец, что сорвало их планы, а их самих заставило погрузиться в долгую застойную спячку, приведшую к развалу СССР? На некоторые из этих вопросов может дать ответ биография Хрущева.

Я стремился охватить все периоды жизни Хрущева и сосредоточиться на его характере. В некотором смысле Хрущева можно назвать архетипическим советским человеком, но в то же время он уникален. Тысячам простых рабочих и крестьян после революции открылся путь к карьерным высотам, но взойти на самый верх удалось лишь ему одному. Среди своих кремлевских коллег — безликих винтиков в сталинской машине — он, возможно, единственный сумел сохранить человечность. Все сподвижники Сталина стремились угодить тирану: лишь у Хрущева это стремление сочеталось с естественным, природным трудолюбием, неистощимой энергией, искренним увлечением своим делом, способностью располагать к себе людей самых различных рангов и положений — от доярки на колхозной ферме до главы другого государства. Все его важнейшие внутренне- и внешнеполитические решения — от разоблачений Сталина на XX съезде до карибской авантюры — также необычны, несут на себе отпечаток его яркой и своеобразной индивидуальности.

Личность Хрущева привлекает к себе внимание не менее, а пожалуй, и более, чем его деяния. Стремясь понять не только политические, но и психологические причины его действий, я обратился к теориям личности⁸ и проконсультировался с несколькими психологами и психиатрами, внесшими значительный вклад в мои исследования. Однако сам я не психолог и потому старался не перегружать свое изложение специальными терминами, стремясь сделать психологический портрет Хрущева понятным и близким читателю.

Давно известная истина, что всякий исторический документ нуждается в правильном истолковании, особенно верно по отношению к советским документам, составлявшимся всегда с оглядкой на власть и текущую политическую ситуацию. Я вынужден был полагаться в основном на эти документы, однако интерпретировал их в свете других источников. Более достоверны интервью и мемуары советских политических деятелей, написанные уже после распада СССР: их авторам нет нужды лгать, однако и они рассказывают лишь о том, что помнят — или предпочитают помнить. Многие из них стремятся оправдать себя или свести старые счеты. Вот почему документы и мемуары взаимно дополняют и корректируют друг друга.

Хрущев не вел дневник и редко писал письма. Для этого он был слишком занят, к тому же в сталинские времена опасно было доверять свои мысли бумаге; кроме того, Хрущев был нетверд в орфографии и, вполне естественно, предпочитал не писать сам, а диктовать тексты стенографистке.

К тому же все личные бумаги Хрущева после его смерти были конфискованы КГБ и их местонахождение до сих пор неизвестно. В отсутствие личного архива особую значимость приобретают мемуары Хрущева: однако обращение к ним связано со специфическими проблемами. Свои воспоминания Хрущев наговаривал на магнитофонную пленку, по большей части в одиночестве, под надзором вездесущего КГБ, без доступа к архивам, без возможности что-то проверить и уточнить, не пользуясь ничем кроме собственной — хотя и великолепной — памяти. Важно отметить и то, что Хрущев стремился оправдаться перед будущими поколениями, и, читая его мемуары, приходится тщательно отделять фактологическую сторону дела от умолчаний и приукрашиваний, призванных представить автора в выгодном свете. Впрочем, и последние дали мне бесценную информацию о том, каким Хрущев стремился предстать перед потомками.

Полная русская версия воспоминаний Хрущева под редакцией его сына содержит больше материала, чем все три англоязычных издания. Однако в некоторых случаях мы встречаем в английском тексте пассажи, отсутствующие в русском⁹. Первоначальные записи воспоминаний позволяют нам больше приблизиться к пониманию личности Хрущева, хотя и нелегко бывает понять его неправильную, сбивчивую речь¹⁰. Я рассматривал возможность цитации воспоминаний не по печатному тексту, а по расшифровкам: однако это было бы не только жестоко по отношению к читателям, но и нечестно по отношению к самому Хрущеву, который при жизни одобрял и поощрял редактирование своих текстов. О стиле устной речи Хрущева читатель сможет составить представление по приводимым мною буквальным цитатам из его выступлений. Что же касается мемуаров — насколько я могу судить, их опубликованные версии, как русские, так и англоязычные, по смыслу не расходятся с текстом, созданию которого Хрущев посвятил последние годы жизни.

* * *

Огромную книгу, создаваемую на протяжении многих лет, невозможно написать в одиночку. Неизмеримую помощь оказали мне члены семьи Никиты Хрущева: его дети Сергей Хрущев и Рада Аджубей; его внуки Юлия Леонидовна Хрущева, Юрий Хрущев и Никита Хрущев-младший; его правнучка Нина Хрущева и невестка Любовь Сизых.

Благодарю также жителей бывшего Советского Союза, помогавших мне в получении доступа к архивам и переводе до-

кументов: Юрия Аксютин, ныне покойного Николая Барсукова, Александра Чубаряна, Софью Гитис, Виктора Гобарева, Михаила Наринского, Владимира Наумова, Юрия Шаповала, Олега Трояновского и Елену Зубкову.

Благодарю за гостеприимство моих старых московских друзей: Юрия Крутогорова, Инну Бабенышеву, Виктора, Лену и Ольгу Якубович.

За идеи относительно характера и склада личности Хрущева благодарю психологов и психиатров: Эми Деморест, мою коллегу по Эмхерсту (факультет психологии), вместе с которой я веду коллоквиум «Личность в политике», Нэнси Макуильямс, выступавшую на нашем семинаре по моему приглашению, а также Джерролда М. Поста, Юджина Голдуотера, Эндрю Лукера, Тэмсин Лукер и Юрия Фрейдина. Кроме того, в начале работы над книгой большую помощь оказали мне два политолога, писавшие о роли личности в политике, Александер Джордж и Фред И. Гринстайн.

Благодарю тех, кто помог мне разобраться в происходившем в СССР, Восточной Европе и Китае: Александра Бабенышеву, Джеффри Бердса, Уильяма Берра, Чен Чжана, Джона Льюиса Гэддиса, Эббота Глисона, Лешека Глуховски, Стивена М. Голдстайна, Хоуп М. Харрисон, Марка Крамера, Лан Хуа, Кристиана Остермана, Питера Реддуэя, Константина Плешакова, Михаила Николаева и Владислава Зубка. Выражаю особую благодарность Бердсу, Крамеру, Глуховски, Голдстайну, Харрисону и Зубку, снабдившим меня документами из архивов бывших коммунистических стран.

Юрий Аксютин помогал мне вести исследования в России, Юрий Шаповал — на Украине, Дэн Сомоджи — в Великобритании, Ирина Порохова, Виктория Ивлева, Светлана Новикова, Илья Сомин, Ольга Рыжкова, Марк Ричман и Константин Русанов — в США. Татьяна Бабенышева взяла на себя сложный и утомительный труд по расшифровке русскоязычных интервью, Татьяна Чеботарева расшифровывала русскоязычные рукописные тексты, Чин Пинг Чен перевел выдержки из мемуаров на китайском языке. Мария Шарикова сверила цитаты из текста воспоминаний Хрущева, Стейси Китсис помогла в подготовке рукописи, а Сэм Чаран, помимо бесценной помощи во время исследований, составил библиографию. Благодарю также моего литературного агента Леону П. Шлехтер.

Нельзя не упомянуть об архивах, в которых я работал. Все они с благодарностью перечислены в библиографии. Из директоров архивов и их заместителей хотелось бы назвать Наталию Томилину, Кирилла Андерсона, Сергея Мироненко, Руслана Пыриха, Игоря Лебедева, Олега Наумова и Виталия Афиани.

Хотелось бы также отметить помощь, оказанную мне Международным проектом истории холодной войны (особенно его руководителями Джеймсом Дж. Хершбергом, Дэвидом Вольфом и Кристианом Остерманом), Исследовательским центром Вудро Вильсона, Центром Дэвиса по изучению России в Гарвардском университете, Архивом национальной безопасности в Вашингтоне, Институтом межнациональных исследований Уотсона в Браунском университете и Институтом всеобщей истории при Российской академии наук в Москве.

Во время работы я получал финансовую поддержку от следующих организаций: Гуманитарное общество Рокфеллера, Институт Кеннана по изучению России, Национальный совет по советским и восточно-европейским контактам, Фонд Карла Лоуэнстайна в Амхерст-колледже, Фонд старейшин в Институте Гарримана (университет Колумбия), Фонд исследований Фулбрайт-Хейз, Программа советско-американского научно-исследовательского обмена при Международном обществе обмена научно-исследовательской информацией, Национальный гуманитарный фонд, Исследовательский центр Вудро Вильсона. Кроме того, мою работу постоянно поддерживал Амхерст-колледж. За поддержку в Амхерсте я должен особенно поблагодарить его президентов Питера Паунси и Тома Джирити, а также декана нашего факультета Лайзу Раскин.

Выражаю глубокую благодарность друзьям, которые прочли рукопись и сделали ценные замечания. Главы этой книги читали в рукописи Роберт Боуи, Питер Чап-младший, Н. Гордон Левин-младший, Томас Лукер, Нэнси Макуильямс, Серго Микоян, Вера Шевцова, Кэтлин И. Смит, Владимир Туманов и Владислав Зубок. Весь текст целиком осилили Эми Деморест, Джон Льюис Гэддис, Эббот Глисон, Марина Голдовская, Сергей Хрущев, Константин Плешаков, Стивен С. Розенфельд, Струоб Тэлбот, Лори Уильямс и Милтон Уильямс. Особую благодарность выражаю моему терпеливому редактору в издательстве «У. У. Нортон» Джеймсу Мэйрсу и его помощнице Кэтрин Осборн.

Величайшая благодарность, как всегда, обращена к моей жене Джейн, поддерживавшей меня и помогавшей мне во время написания этой книги. Ее свежий взгляд и критические замечания были для меня неоценимы. Благодарю моих детей Алекса и Фиби, а также брата Филипа и его семью за постоянную моральную поддержку.

У. Т.

Амхерст, Массачусетс.
Февраль 2002 года